

Почетны гражданин

Моск. правда. - 2004. - 15 ок. - с. 4

Лучезарная душа

Живописец Карл Иванович Рабус (1800 - 1857)

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Старая Москва с ее неспешной жизнью, полудеревенскими пейзажами, тихими улочками и почти при каждом доме обширными садами исчезла навсегда. Сейчас трудно даже представить, что когда-то все это существовало. Впрочем, для тех, кто наделен воображением, остались многочисленные зарисовки старой Москвы. Художники любили рисовать московский патриархальный быт, Красную площадь с толкущимся на ней людом, храмы во время торжественных богослужений, обывательские дома, осененные ветвями березок или яблонь. Любил рисовать Москву и академик живописи К. И. Рабус. Немец по происхождению, петербуржец по рождению, он объездил полсвета, и все же райским уголком двух последних десятилетий его жизни стала древняя русская столица. Поселившись с молодой женой в Москве и начав преподавать в Училище живописи и ваяния, Строгановской рисовальной школе и Константиновском межевом институте, Рабус как-то сразу стал москвичом.

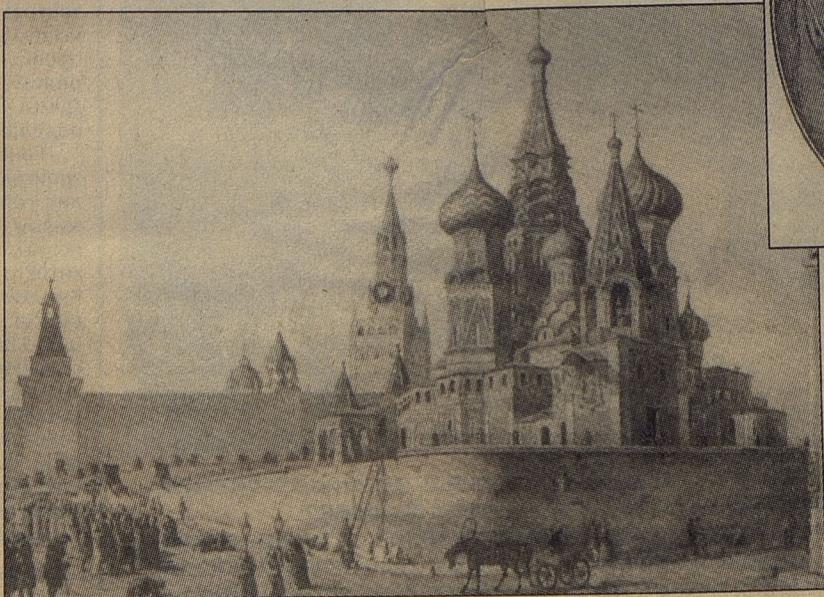
Главной страстью Карла Ивановича было зарисовывать московские виды. Постоянно и усердно он занимался этюдами с натуры, которые выполнял масляными красками.

«Вчера был на выставке, - писал Рабус о его картине «Церковь Василия Блаженного в Москве» поэт Ф. Н. Глинка. - Картина ваша торжествует; отчетливость, даже до мелочей, удивительна. Фигуры ходят, поют и молятся. Храм живьем перенесен и вставлен в рамы. И как хорошо он стоит! Как верно изображает постановку и быт наших предков. Нравы их были, правда, немного причудливы, кудреваты, но зато и замысловаты. Мы, внуки их, в коротеньких фрячках, прыгаем с камушка на камушек, а предки сидели плотно на своих капиталах, своей народности, своих нравах и верованиях. Но с какой палитры взяли вы такие

блестящие краски для ведренного московского неба, такой день, такое освещение?»

Не менее удивляли москвичей какие-то успокаивающие и в то же время торжествующие тона картин «Восход солнца и общий вид Москвы», «Вид на Алексеевский монастырь» и сотен других.

Может быть, у Рабуса были какие-то особенные краски?.. Нет, просто-напросто лучезарное небо на картинах повторяло его лучезарную душу. Он никогда не злился, всегда безвозмездно снабжал друзей советами и деньгами, за всю жизнь не ска-

зал ни единого дурного слова ни о ком. В его семье всегда царил мир, он был любим всеми.

По субботам в свой дом на Садовой улице, что стоял в приходе церкви Николы в Драчах (ныне уничтожена), Карл Иванович приглашал друзей. Приходили и старики, и молодые; и саванники, и студенты; и робкие музыканты, и запальчивые художники. Здесь все они становились одной семьей любителей искусства.

Кроме живописных полотен, после Рабуса осталось множество карандашных и акварельных рисунков, карикатур. Как правило, он не пропускал ни одного дня, чтобы не сделать хотя бы небольшого наброска. А когда тяжёлая болезнь не позволила ему продолжать заниматься живописью, он пытался хотя бы чертить.

После смерти Рабуса несколько его картин приобрела Третьяковская галерея, сотни полотен попали в другие московские и петербургские музеи. Время от времени устраивались выставки художника, о нем писали статьи и, конечно же, упоминали во всех словарях художников. Но его имя как-то не вписалось в советскую эпоху. Он даже не попал в Большую советскую энциклопедию, если не считать упоминания в статье о А. К. Саврасове, что тот учился у Рабуса. Не было о Карле Ивановиче ни одной публикации, не устраивалось его выставок. Впрочем, почти ни одна книга о старой Москве не обходится без reproductions его картин.

Где же затерялось столь значительное наследие Карла Ивановича Рабуса, представляющее для русской культуры и истории Москвы непреходящее значение?

Рабус Карл Иванович

15.10.04

113